

Состояние легитимности институтов современной России: к вопросу о роли социальной справедливости в экономике

М.А. ВАХТИНА*

*Вахтина Маргарита Анатольевна – доктор экономических наук, проректор, Поволжский государственный университет сервиса. Адрес: 445677, Тольятти, Самарская область, ул. Гагарина, д. 4. E-mail: vahtina@tolgas.ru

Цитирование: Vakhtina M. (2015) The State of Institutional Legitimacy in Modern Russia and the Problem of Social Justice in Economics. *Mir Rossii*, vol. 24, no 4, pp. 60–71 (in Russian)

В статье представлена оригинальная типология четырех альтернативных режимов легитимности институтов, основанная на сочетании легальности и норм социальной справедливости. Авторская концепция легитимности основана на методологии институциональной экономической теории, расширяет диапазон классических исследовательских подходов и позволяет преодолеть односторонность взглядов социологов и правоведов на эту проблему. Доказывается, что полная легитимность институтов достигается в условиях, когда формально установленные в правовых актах или деловых контрактах нормы отвечают принципам социальной справедливости, что обеспечивает им коллективное признание. Показано своеобразие двух переходных режимов частичной нелегитимности, при которых одна из необходимых составляющих отсутствует. С этих теоретических позиций и с учетом количественной оценки показателей социальной справедливости в российской экономике в статье определяется современный российский институциональный статус. Обосновывается положение, что специфический российский тип нелегитимности, когда легальные институты не получают поддержки большинства из-за отклонений от требований социальной справедливости, сопровождается специфическими дисфункциями и более жесткими эффектами закрепления институциональных ловушек из-за дополнительных условий «консервации» неэффективных норм. Формулируемые в статье предложения по выходу страны из режима частичной нелегитимности базируются на ведущей роли государственных институтов при обязательном участии неправительственных некоммерческих организаций, что осложняется «ловушкой нелегитимности». Невысокий потенциал общественных институтов должен быть компенсирован усилиями по развитию механизмов гражданского соучастия в управлении и межсекторного партнерства, расширению информационной и моральной поддержки неправительственных

инициатив, направленных на утверждение принципов социальной справедливости и укрепление социально-экономического потенциала страны.

Ключевые слова: государственные и негосударственные институты, легитимность, легальность, коллективное признание, принципы социальной справедливости в рыночной экономике, избыточные неравенства, равенство возможностей, дисфункции институтов

Обоснование взаимосвязи между двумя понятиями, содержащимися в названии статьи – «легитимностью общественных институтов» и «социальной справедливостью», – имеет важное теоретическое и практическое значение. Вести речь о легитимности, понимая под ней только легальность институтов, значит ограничивать это понятие юридической составляющей. Экономические исследования вопроса о легитимности институтов должны быть дополнены изучением проблематики социальной справедливости, что позволит преодолеть ограниченность подходов.

Следует признать, что экономические исследования в области социальной справедливости сдерживаются рядом ограничений, которые проистекают из механического разделения общественных наук и ограниченности междисциплинарных исследований. В результате проблема легитимности в экономике без должного научного обоснования идеологизируется, ограничиваясь уровнем политических дебатов, что мешает достижению необходимого этико-экономического консенсуса. В этой связи институциональная экономическая теория позволяет расширить диапазон сложившихся в классической экономической науке исследовательских подходов и внести ясность в соотношение между понятиями «справедливость» и «социальная справедливость». Последняя, в отличие от справедливости вообще, имеет свой специфический субъект в виде институтов. Институциональный инструментарий позволяет преодолеть односторонность взглядов социологов и правоведов на эту проблему, не исключая каждый из них. Что касается социологии, то в вопросе о легитимности акцент там делается на «коллективном признании» институтов, в то время как в юридической литературе легитимность чаще всего рассматривают как синоним законности (легальности). В этом вопросе социологам оказывается ближе сфера коллективного поведения, а юристам – формальная сторона прав.

Представляется, что, когда речь заходит о легитимности социальных институтов, обе вышеназванные составляющие (легальность и коллективное признание) оказываются в одинаковой степени важными, поэтому ограничиваться только одной из них было бы неправильно. Обычно с пониманием дилеммы «легальный – нелегальный» (равно как «законный – незаконный») не возникает особых сложностей. Но вопрос о «коллективном признании» институтов нуждается в более содержательной характеристике с позиции того, что в конечном итоге его обеспечивает. На наш взгляд, коллективное признание институтов обеспечивается их соответствием принципам социальной справедливости¹, что порождает нравственную легитимацию и моральную поддержку. При этом явные и неявные соглашения

¹ Под принципами социальной справедливости понимаются исходные нормативные установки, определяющие институциональные условия и механизмы ее достижения [Петросян 2007].

между людьми по поводу их коллективного признания обеспечивают формальным нормам и правилам институциональную завершенность. Проблема практической реализации принятых и законодательно закрепленных нормативных правовых актов в значительной мере обусловлена именно отсутствием такого неформального признания со стороны большинства. В современной России, где гражданское участие в государственном управлении остается незначительным, проблема практической реализации принятых законов и других нормативных правовых актов приобрела особую актуальность.

Между поддержанием социальной справедливости, обеспечивающей институтам коллективное признание, и легитимностью существует неразрывная связь. Легитимность институтов предполагает их «высшее обоснование», а не просто законность принятия решений, так как их признание базируется на нравственной позиции человека, которая дает основание выделять и принимать только те из них, которые «служат справедливости». В вопросе об обеспечении легитимности институтов сила формальных требований должна дополняться их соответствием принципам социальной справедливости, именно вышеназванное соответствие Дж. Ролз определял как «главную добродетель социальных институтов» [Ролз 2010].

С другой стороны, те или иные социальные институты, пользующиеся неформальным признанием, статусная функция которых коллективно признана и распознана, могут юридически не закрепляться в законах или деловых контрактах. Неформального коллективного признания в этом случае оказывается недостаточно для того, чтобы институты функционировали с максимальной отдачей, достигая желаемых экономических и социальных результатов, так как отсутствует формальное признание прав.

Как видно, между вышеназванными составляющими (легальностью и социальной справедливостью) могут возникать многообразные взаимосвязи, порождающие различные «режимы» легитимности. Их содержание в свою очередь предопределяет своеобразие социальных институтов и степень их эффективности. Достижение режима «полной» легитимности возможно только в том случае, когда формальные институты, закрепленные в законах или деловых контрактах, подкрепляются неформальным коллективным признанием. Однако так бывает не всегда, поскольку если официальный статус закреплен, а коллективное признание отсутствует, или, наоборот, коллективно признанные институты, отвечающие представлениям людей о справедливости, формально не узаконены, то состояния «полной» легитимности не достигается. В данном случае следует вести речь о переходных режимах легитимности².

Концепция легитимности институтов, которая предлагается в данной статье, базируется на сочетании легальности (или нелегальности), с одной стороны, и коллективного признания (или непризнания), основанного на соответствии институтов принципам справедливости – с другой. Вариантные соответствия вышеназванных составляющих порождают различные институциональные режимы (порядки), характеризующие состояние институтов в аспекте их легитимности. Эти соотношения представлены в *таблице 1*.

² Концептуальные подходы изложены в статье «Модель институциональных режимов легитимности и ее практическое применение» [Вахтина 2013].

Таблица 1. Альтернативные институциональные режимы легитимности

		Легальность	
		есть	нет
Справедливость	есть	Режим <i>A</i> Полная легитимность	Режим <i>B</i> Частичная легитимность
	нет	Режим <i>D</i> Частичная легитимность	Режим <i>C</i> Полная нелегитимность

Согласно представленной *таблицы 1*, только институциональный режим *A* отличается полной легитимностью, так как институты в этом случае формально узаконены в правовых актах или деловых контрактах (легальны) и отвечают принципам социальной справедливости. В случае, когда люди соглашаются с формальными нормами и принимают их как свои, возникают добровольные обязательства по выполнению правил, которые образуют основу для законных ожиданий, обеспечивая скоординированность и стабильность действий хозяйствующих субъектов, что положительным образом сказывается на экономических результатах и социальном климате в обществе.

Режим полной нелегитимности (*C* – в *таблице 1*) является очевидной противоположностью вышеназванного, так как характеризуется отсутствием формально закрепленных норм и неформальной поддержки большинства. Такое положение характеризуется хаосом и расстройством институциональной системы, поэтому оно является в большей степени теоретической, чем практической конструкцией. Значительно больший практический интерес представляют режимы частичной нелегитимности, которые возникают в областях ячеек *B* и *D*. Институты в обоих случаях остаются только частично легитимными, но по-разному: в случае институционального режима *B* институты признаются большинством как справедливые, при этом они законодательно (формально) не установлены, а в случае *D* наоборот – законные (формально установленные) институты отклоняются от принципов справедливости и по этой причине не принимаются большинством. Иначе говоря, в случае частичной нелегитимности или имеющиеся формальные права не получают коллективного признания, или коллективное признание не подкрепляется формальными правами. Оба варианта, несмотря на различия, имеют много общего в плане негативных социально-экономических последствий, так как в том и в другом случае правомочия, которыми располагают субъекты, оказываются усеченными по сравнению с их оптимальным состоянием. Это приводит к снижению эффективности реализации уже принятых правовых актов, а востребованные хозяйственной практикой нормы и правила не получают формального признания. Оба половинчатых нелегитимных режима сопровождаются деформациями институтов.

Типология альтернативных институциональных режимов Р. Капелюшников, включающая четыре возможные комбинации формального и неформального признания прав собственности, имеет существенные отличия от концепции, представленной в данной статье. Использование ученым двух параметров – «легальности» и «легитимности» – не позволяет, на наш взгляд, выстроить целостную концепцию легитимности институтов.

Таблица 2. Альтернативные институциональные режимы

		Легальность	
		есть	нет
Легитимность	есть	Режим <i>A</i> (институциональный «оптимум»)	Режим <i>B</i> (состояние «внезаконности»)
	нет	Режим <i>D</i> (состояние «безлегитимности»)	Режим <i>C</i> (состояние «чистой криминальности»)

Источник: [Капелюшников 2008].

В таблице 2 показаны альтернативные институциональные режимы согласно подходу Р. Капелюшникова. Из нее следует, что режим *A* соответствует оптимальному состоянию институциональной системы, когда требования легальности и легитимности совпадают. Режим *B* отвечает условиям, когда формальная правовая система отказывается признать существующие де-факто права, которые, несмотря на это, признаются неформально. Режим *D* обеспечивает состояние «безлегитимности», когда формальное признание прав собственности не сопровождается легитимностью, а режим *C* автор характеризует как чистую криминальность. Нельзя не согласиться с выводом ученого о том, что одним из главных условий, от которого зависит поддержание институционального равновесия, является согласованность между формальной и неформальной санкционированностью («легитимностью» по Р. Капелюшникову). Однако представленная концепция отличается непоследовательностью и противоречивостью, поскольку режим *B*, хотя и «внезаконный», но все же остается легитимным. Кроме того, нуждается в более углубленной характеристике режим *D*, соответствующий состоянию «безлегитимности», а вывод о «чистой криминальности» режима *C* требует дополнительной аргументации.

На наш взгляд, представленная в данной статье двухфакторная матрица легитимности может служить удобным инструментом для анализа различных институциональных систем и оценки эффективности функционирования институтов. Так, современную российскую рыночную экономику отличает, с одной стороны, отклонение от принципов социальной справедливости, выраженное в нарушении равенства прав доступа к рынку и связанной с этим избыточной дифференциации доходов населения; а с другой, высокая степень государственного участия в экономике, т.е. отечественную институциональную систему можно отнести к институциональному режиму *D*, отличающемуся частичной нелегитимностью, когда формальные институты не получают должной поддержки большинства.

Не ставя задачи в рамках данной статьи представлять обоснование принципов социальной справедливости в рыночной экономике, в целом следует констатировать, что справедливые институты призваны обеспечивать каждому члену общества одинаковые шансы на экономическую активность, социальное и политическое влияние. Это, в свою очередь, в значительной мере снижает риск бедности и избыточных неравенств. Анализ современного состояния российской экономики

показывает, что в стране имеются значительные отклонения от социально-приемлемых значений показателей социальной справедливости. Именно поэтому проблема равенства возможностей, предотвращения чрезмерной, экономически необоснованной дифференциации доходов населения приобрела в последние годы особую актуальность.

Данные социологических опросов свидетельствуют³, что справедливость занимает одно из ведущих мест в числе наиболее значимых для россиян ценностей. Даже в среде обеспеченных групп населения стремление к справедливости выразили 38% [О чем мечтают россияне 2012, с. 30]. При этом большинство соотечественников считает, что современное общество устроено несправедливо. Согласно данным Фонда «Общественное мнение», таких в стране по-прежнему более 60%, еще 27% затруднились с ответом [Справедливость в российском обществе 2011]. Показательно, что, несмотря на различия, среди россиян имеет место определенный консенсус в вопросе о направлениях повышения уровня социальной справедливости в экономике. Немаловажно также и то, что представления людей в существенной своей части совпадают с выводами ученых.

Наиболее весомую роль в этой связи играет проблема социального неравенства и экономически необоснованной дифференциации доходов. Если пять лет назад чрезмерный разрыв в уровне и качестве жизни между богатыми и бедными включали в число самых нетерпимых проблем менее 50% россиян, то в 2013 г. их число еще более увеличилось и составило 53% [Добрынина 2014]. Характерно, что для большинства россиян стремление к равенству означает «равенство возможностей» (59%), а не «равенство доходов» (41%) [О чем мечтают россияне 2012, с. 32]. Так как данное соотношение не менялось в течение последнего десятилетия, то можно делать вывод об устойчивой социокультурной норме, содержащей такое предпочтение. Следует полагать, что если бы проблема избыточного неравенства в современной России стояла менее остро, то количество лиц, которые отдают предпочтение равенству возможностей, еще более возросло. Подтверждает данный тезис то, что россияне особенно болезненно (таких более 50%) воспринимают несправедливые неравенства в получении образования и качественных медицинских услуг, нарушающие принцип равных стартовых возможностей. Уровень государственных расходов на образование и здравоохранение в России отстает от развитых стран и не соответствует критериальным характеристикам социального государства, согласно которым расходы на образование должны составлять не менее 4–6%, а на здравоохранение – 7–8% ВВП. Официальные данные свидетельствуют, что расходы на образование, достигнув в 2012 г. уровня 4,6%, снизились в 2014 г. до 3,3% от всех расходов федерального бюджета. То же самое происходит и с расходами на здравоохранение: максимум приходился на 2012 г. – немногим более 4%, а к 2014 г. их доля упала до 3%. При таких соотношениях не создается должных условий для выполнения важнейшего принципа социальной справедливости в экономике – обеспечения равенства возможностей.

Не менее остро стоит вопрос об избыточных неравенствах доходов. В настоящее время подавляющее число наших соотечественников называет существующие различия в доходах слишком большими (таких 83%), 2/3 отмечают несправедливость, сложившуюся в системе распределения частной собственности, столько

³ В статье используются данные социологических опросов ВЦИОМ, общероссийского социологического исследования Института социологии РАН «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?» и других.

же полагают, что люди не получают достойного вознаграждения за свою работу. При этом 54% относят себя к последней категории, так как с учетом имеющейся квалификации и тяжести труда получают меньше, чем того заслуживают [О чем мечтают россияне 2012, с. 32–33, 52–53; Социальная справедливость: как мы ее понимаем 2013]. Обратимся к цифрам. При росте заработной платы в стране в последние годы, реальные издержки на нее в расчете на единицу выпускаемой продукции уменьшились в 2 раза, доля расходов на заработную плату, единый социальный налог и страховые взносы в общей величине затрат с 2005 по 2010 гг. для большинства видов деятельности сократились (положительная динамика наблюдалась только в торговле, гостиничном и ресторанном бизнесе) [Уровень оплаты труда в экономике России 2012]. Об избыточной дифференциации доходов можно судить по индексу Джини, величина которого в России остается достаточно высокой – 0,42. Причем неравенство растет за счет более высоких темпов роста доходов 20% самых обеспеченных групп населения, поэтому развитие среднего класса остается отложенной проблемой. Обращает на себя внимание тот факт, что существующие сегодня в стране социальные неравенства считают чрезмерными и несправедливыми все слои населения России, независимо от уровня жизни и динамики личного благосостояния, что свидетельствует о том, что люди руководствуются, скорее, представлениями о должном, чем о своих краткосрочных интересах.

Отрицание избыточных неравенств россиянами не свидетельствует о стремлении к «уровниловке», так как, согласно результатам опросов, неравенства, возникающие на справедливых основаниях (подавляющее большинство связывают их с эффективностью работы, квалификацией работников, уровнем образования при стартовых равных возможностях его получения для всех) признаются людьми необходимыми и эффективными. При этом планка, отражающая превышение дохода высококвалифицированного специалиста или руководителя над средним доходом по стране, субъективно устанавливается россиянами на уровне 4,7 (в 2006 г. это значение было выше – 4,9) [О чем мечтают россияне 2012, с. 36]. По официальным данным, децильный коэффициент по зарплате, хотя и снизился с 2000 по 2011 г. с 34,0 до 16,1, в целом остается достаточно высоким, тем более что это незначительно влияет на общий уровень дифференциации доходов населения.

Экономически необоснованные социальные неравенства, как известно, тесно соседствуют с бедностью. Минимальная заработная плата, прожиточный минимум (и их соотношение), коэффициент Кейтца свидетельствуют об остроте этой проблемы в современной России. Хотя доля бедного населения в последние годы сократилась (по данным Росстата, доля тех, кто получает доходы ниже прожиточного минимума, составила в 2013 г. около 14%), минимальная заработная плата (с 1 января 2015 г. – 5965 руб.) не обеспечивает прожиточного минимума на душу населения (в первом квартале 2015 г. ее величина установлена в целом по Российской Федерации 9662 руб.) и не превышает 61,7% его величины. Рекомендованное Международной организацией труда соотношение между минимальной и средней заработной платой (индекс Кейтца) соответствует труднодостижимой для современной российской экономики отметки – 50%.

То, что большинство россиян по-прежнему предъявляют основной запрос на социальную справедливость государству, на наш взгляд, подтверждает тезис о том, что путь к полной легитимности институтов в нашей стране может быть обеспечен переходом из режима неполной легитимности *D*. Чем объясняются повышенные ожидания россиян относительно активной роли государства в вос-

становлении социальной справедливости – чрезмерным патернализмом или сложившейся в стране институциональной системой? Представляется, что последнее играет немаловажную роль: так, данные свидетельствуют, что с 1996 по 2013 г. в стране сократилось число лиц, которые предпочитали полагаться на себя или на предприятие в решении собственных проблем [О чем мечтают россияне 2012, с. 37–38]. Из-за ограниченности реальных прав и возможностей за эти годы многие люди, ранее полагавшиеся на себя, стали рассчитывать на помощь государства в решении своих проблем.

Так как наши сограждане в вопросах восстановления социальной справедливости большие надежды возлагают на государство, это предполагает, что законы, которые оно устанавливает, должны быть справедливыми и распространяться на всех, независимо от материального достатка и социального статуса. Требование равенства всех перед законом для большинства россиян остается главным признаком демократии все последние годы, а соотношение между справедливостью и законностью в общественном сознании по-прежнему решается в пользу справедливости: так, о приоритете справедливости над законом заявляют 40% россиян, которые согласны с утверждением, что «не так важно, соответствует что-либо закону или нет – главное, чтобы это было справедливо», 24% затруднились с ответом и только 34% говорят о приоритетности закона [О чем мечтают россияне 2012, с. 39].

Положение усугубляется тем, что в российском обществе довольно прочно закрепился конфликт между справедливостью и законностью. Чтобы его преодолеть, необходима не только политическая воля со стороны государственных институтов, но и рост гражданского участия в управлении. Государство даже с учетом той роли, которую оно призвано выполнять, не может рассматриваться в качестве единственного субъекта, поддерживающего социальную справедливость в обществе. Без должного общественного участия в вопросах управления (это касается и микро-, и мезо-, и макроуровня) государственные институты обособляются и замыкаются на уровне узкогрупповых интересов, вследствие чего решения принимаются без предварительной апробации и участия всех заинтересованных сторон, отличаются низкой экономической эффективностью. Это актуализирует вопрос о развитии гражданских институтов, что признается сейчас большинством. В последние годы в стране проводится определенная работа по созданию и расширению правовой базы гражданского участия, финансовой (государственной и муниципальной) поддержке программ НКО, налаживанию институционального диалога власти и гражданского общества (работа общественных палат, процедуры общественного контроля). Однако многое еще предстоит сделать как в вопросах законодательства (применительно, в частности, к вопросу общественного контроля, государственно-частного партнерства, государственных социальных стандартов и др.), так и в вопросах содействия более широкому привлечению неправительственных организаций в сферу публичной политики.

Активизировать деятельность НКО, которые являются важнейшими институтами выражения интересов различных социальных групп, оказывается, в сложившейся ситуации непросто. Имущественные неравенства, сопровождающиеся неодинаковыми возможностями доступа к рынку и важнейшим социальным благам, неравенство граждан перед законом порождают неравенства политические, которые оборачиваются недопредставленностью групповых интересов в экономике и публичной политике, пассивностью, настроенным отношением

к общественным группам со стороны чиновников. Роль НКО в России остается достаточно низкой, к «третьему сектору» можно отнести примерно 200 тыс. организаций, в которых занято всего 1,1% экономически активного населения [Россия 2013: Статистический справочник 2013]. Доля доходов НКО в ВВП России составляет 0,9% (это значительно ниже, чем в Европе, Японии или США), при этом большая часть доходов неправительственных организаций поступает от частных пожертвований. Для сравнения: в развитых странах государственное финансирование НКО составляет 48% их дохода (в развивающихся 22%, а в России только 5%) [Фонд Костина рекомендует НКО 2013]. Уровень доверия россиян к НКО традиционно остается самым низким по сравнению с другими социальными институтами [Латов 2010].

На фоне неактивности гражданских институтов большинство россиян не верят в возможность жить в справедливом и разумно устроенном обществе и не изъявляют готовности личными усилиями добиваться желаемой цели. При этом, разрыв в степени уверенности между нижними стратами (нищие, представители глубокой бедности, собственно бедные) и верхними (обеспеченные и состоятельные) достигает восьмикратной отметки (7% и 55% соответственно). В среде промежуточных слоев, которые составляют 80% российского населения – нуждающиеся, малообеспеченные и среднеобеспеченные – таковых 36% [Горишков, Крумм, Тихонова 2013]. Возникает своего рода «ловушка нелегитимности»: государственные институты без широкого гражданского участия, обладая значительным ресурсом самоподдержки, не обеспечивают должный уровень справедливости, а гражданское участие тормозится неравными возможностями доступа к рынку, неравенством всех перед законом, что в сложившихся условиях в значительной степени зависит от государства. «Ловушка нелегитимности» оборачивается нереализуемостью принятых норм, так как только справедливые институты способны породить добровольные обязательства по выполнению правил.

Поскольку современные российские социальные институты находятся в состоянии частичной нелегитимности, которую отличает несправедливость формальных институтов, их функционирование сопровождается специфическими дисфункциями. Если использовать классификацию дисфункций институтов, предложенную В.М. Полтеровичем [Полтерович 2001], то в отличие от частично нелегитимного режима **B**, где дисфункции могут проявляться преимущественно в виде активизации параллельных или альтернативных неформальных институтов (в случае, если последние получают формальное признание, противоречия могут разрешаться), в условиях формирования несправедливых социальных институтов с государственным участием (режим **D**) эффекты закрепления институциональных ловушек являются более жесткими, сопровождаются большими транзакционными издержками, а дисфункции – разнообразнее (атрофия и перерождение, активизация альтернативных институтов и отторжение, институциональный конфликт). При этом высокий уровень государственного участия в этой институциональной модели создает дополнительные условия для консервации неэффективных норм за счет доступа к ресурсам самоподдержки, которые обеспечиваются выгодами от перераспределительных эффектов. В условиях частично нелегитимного институционального режима типа **D** специфический характер приобретают неформальные хозяйственные практики, вследствие чего формируются и укрепляются закрытые сети бизнеса и власти, которые ориентированы на контроль над ресурсами и совместную защиту от конкуренции.

В силу того, что ключевым субъектом институциональной модели *D* остается государство, то именно государственным институтам предстоит выступить локомотивом на пути к разрешению вышеназванных противоречий, но только при условии поддержки со стороны наиболее активных общественных групп, ориентированных на повышение уровня социальной справедливости. В этой связи сообщество ученых может сыграть положительную роль, и основной упор предстоит сделать на развитие механизмов (организационных, финансовых) гражданского соучастия в управлении в различных формах межсекторного партнерства между государством, бизнесом и некоммерческими организациями, расширение информационной и моральной поддержки неправительственных инициатив, направленных на утверждение принципов социальной справедливости и укрепление социально-экономического потенциала страны.

Для того чтобы добиться желаемых социально-экономических результатов, повысить эффективность экономики и инновационную активность с участием всех заинтересованных сторон, необходимо поддерживать постоянный баланс между легальностью институтов и уровнем социальной справедливости.

Литература

- Вахтина М.А. (2013) Модель институциональных режимов легитимности и ее практическое применение // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). № 2. С. 58–68.
- Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е. (ред.) (2013) О чем мечтают россияне: идеал или реальность. М.: Весь мир.
- Добрынина Е. (2014) Как по-русски «демократия»? // *Российская газета*. 01.10.2014 // <http://www.rg.ru/2014/01/10/demokratia.html>
- Капелюшников Р. (2008) Собственность без легитимности? // *Вопросы экономики*. № 3. С. 85–105.
- Латов Ю.В. (2010) Межличностное и институциональное доверие как социальный капитал современной России // Нуреев Р.М. (ред.) *Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ): десять лет спустя. Часть I*. М.: Московский общественный научный фонд. С. 44–62.
- О чем мечтают россияне (2012). Аналитический доклад // http://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html
- Петросян Д.С. (2007) Гуманистическая экономика и социальная справедливость // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 18–27.
- Полтерович В.М. (2001) Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. № 3. С. 24–50.
- Ролз Дж. (2010) *Теория справедливости*. М.: Изд-во ЛКИ.
- Россия 2013: Статистический справочник (2013). М.: Росстат.
- Социальная справедливость: как мы ее понимаем (2013) // ВЦИОМ // <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114297>
- Справедливость в российском обществе (2011) // *Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень*. № 47. С. 28–31.
- Уровень оплаты труда в экономике России (2012) // *Бюллетень «Проблемы социальной политики»*. Выпуск № 4. С. 1–9.
- Фонд Костина рекомендует НКО позаботиться о гражданах (2013) // *Известия*. 28.03.2013 // <http://izvestia.ru/news/547568>

The State of Institutional Legitimacy in Modern Russia and the Problem of Social Justice in Economics

M. VAKHTINA*

***Margaret Vakhtina** – Doctor of Economics, Vice-Rektor, Volga Region State University of Service. Address: 4, Gagarina St., Togliatti, 445677, Russian Federation. E-mail: vakhtina@tolgas.ru

Citation: Vakhtina M. (2015) The State of Institutional Legitimacy in Modern Russia and the Problem of Social Justice in Economics. *Mir Rossii*, vol. 24, no 4, pp. 60–71 (in Russian)

Abstract

This article evaluates institutional legitimacy in modern Russia, explores its contradictory nature and proposes potential solutions that could resolve this. The author proposes a new typology of four alternative modes of institutional legitimacy and discusses their key features. This typology combines two dimensions—legality and norms of social justice. The argumentation is borrowed from institutional economic theory and expands the range of classical research methods to overcome possible disciplinary short-sightedness. It is argued that the complete legitimacy of institutions is achieved only when formal rules, regulations and contracts correspond to the dominating norms of social justice. The typology is then applied to the case of Russia. It is shown that Russia belongs to one of the transitory cases of partial legitimacy, that is, when formal institutions do not correspond to the norms of social justice. The state appears to be actively maintaining the legitimacy of the excessive social inequalities in Russia and disrupting the equality of opportunity, whereas non-government institutions have a very weak capacity to maintain social justice. This suggests that Russian society finds itself in a trap of illegitimacy, and a certain coordination of effort on the behalf of the state and society is needed to overcome this trap.

Keywords: state and non-state institutes, legitimacy, legality, collective recognition, principles of social justice in market economies, excess inequalities, equal opportunities, the dysfunctionality of institutes

References

- Dobrynina E. (2014) Kak po-russki «demokratiya»? [As in Russian “Democracy”?]. *Rossiiskaya gazeta*, 01 October 2014. Available at: <http://www.rg.ru/2014/01/10/demokratia.html>, accessed 30 May 2015.
- Fond Kostina rekomenduet NKO pozabotit'sya o grazhdanakh (2013) [Kostin's Fund Recommends to NPO to Take Care of Citizens]. *Izvestiya*, 28 March 2013. Available at: <http://izvestia.ru/news/547568>, accessed 30 May 2015.

- Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonova N.E. (eds.) (2013) *O chem mechtayut rossiyane: ideal ili real'nost'* [Of What Russians Dream: Ideal or Reality], Moscow: Ves' mir .
- Kapelyushnikov R. (2008) Sobstvennost' bez legitimnosti? [Property Without Legitimacy?]. *Voprosy ekonomiki*, no 3, pp. 85–105.
- Latov Yu.V. (2010) Mezhlchnostnoe i institutsional'noe doverie kak sotsial'nyi kapital sovremennoi Rossii [Interpersonal and Institutional Trust as Social Capital of Modern Russia]. *Ekonomicheskie sub'ekty postsovetskoi Rossii (institutsional'nyi analiz): desyat' let spustya. Chast' I* [Economic Subjects of Post-Soviet Russia (institutional analysis): ten Years Later. Part I] (ed. Nureev R.M.), Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond.
- O chem mechtayut rossiyane* (2012). Analiticheskii doklad [Of What Russians Dream. Analytical Report]. Available at: http://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html, accessed 20 May 2015.
- Polterovich V.M. (2001) Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of Economic Institutes]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, no 3, pp. 24–50.
- Petrosyan D.S. (2007) Gumanisticheskaya ekonomika i sotsial'naya spravedlivost' [Humanistic Economy and Social Justice]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 18–27.
- Rolz Dzh. (2010) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice], Moscow: LKI.
- Rossiya 2013: Statisticheskii spravochnik* (2013) [Russia 2013. Statistical Reference Book], Moscow: Rosstat.
- Sotsial'naya spravedlivost': kak my ee ponimaem (2013) [Social Justice: as We Understand It]. *VCIOM* [Russian Public Opinion Research Center]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114297>
- Spravedlivost' v rossiiskom obshchestve (2011) [Justice in the Russian Society]. *Dominantny. Pole mnenii. Sotsiologicheskii byulleten'*, no 47, pp. 28–31.
- Uroven' oplaty truda v ekonomike Rossii (2012) [Compensation Level in Economy of Russia]. *Bulleten' «Problemy sotsial'noi politiki»*, part 4, pp. 1–9.
- Vakhtina M.A. (2013) Model' institutsional'nykh rezhimov legitimnosti i ee prakticheskoe primenenie [Model of the Institutional Modes of Legitimacy and its Practical Application]. *Journal of Institutional Studies*, no 2, pp. 58–68.